



RACHEL CAINE  
SMOKE AND  
IRON

РЕЙЧЕЛ КЕЙН

ДЫМ И  
ЖЕЛЕЗО

**LIKE  
BOOK**

МОСКВА  
2024

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Сое)-44  
К33

Rachel Caine  
SMOKE AND IRON

SMOKE AND IRON © 2018 by Rachel Caine LLC

Перевод с английского *Д. Кандалинцевой*

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация на переплете *@elena.rudman*

**Кейн, Рейчел.**

К33 Дым и железо / Рейчел Кейн ; перевод с английского Д. Кандалинцевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 432 с.

ISBN 978-5-04-199467-9

Джесс Брайтвелл предал всех, кто когда-либо ему доверял. Он отправил свою возлюбленную Морган обратно в Железную башню, где она проведет остаток дней. Обманом заманил профессора Вульфа в тюрьму и обрек его на смертный приговор.

И все ради глупой идеи о том, что он может каким-то чудом остановить Библиотеку.

Для того чтобы встретиться с Великим архивариусом и предложить ему сделку, Джессу придется выдать себя за своего брата-близнеца Брендана. Но повелителя Библиотеки перехитрить не так-то просто.

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199467-9

© Кандалинцева Д., перевод  
на русский язык, 2024  
© Издание на русском языке,  
оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2024

*Посвящается Тез,  
которая продолжает поддерживать меня,  
даже когда я слишком устаю,  
чтобы двигаться вперед*



## ОТ АВТОРА

Особые благодарности Захире Халик, Фаузии Али и Захди Анвер за их неоценимую помощь.

Библиотекарям и учителям во всем мире, которые трудятся без финансирования, поддержки и бóльшую часть времени даже без элементарного признания: вы вдохновляете меня и многих других людей. Вы меняете жизни и дарите надежду. Вы являетесь связующим звеном между нашим прошлым и будущим. Не забывайте, как вы важны на самом деле.





## ЗАПИСКИ

**Текст письма Красного Ибрагима из Александрии, написанного Каллуму Брайтвеллу в Англию и переданного через доверенного посыльного**

*Мой достопочтеннейший кузен по торговле,  
Моя дочь, Ани́та, поведала мне, что Вы вступили в опаснейшую игру с Верховным архивариусом Великой библиотеки.*

*Учитывая Ваше прошлое и Вашу известную прозорливость, я не думаю, что мне нужно напоминать о том, какую опасность все это за собой влечет не только для Вас, но и для всех нас. Несмотря на то что порой мы используем Библиотеку ради нашей торговли, нам ни в коем случае нельзя позволять ей использовать нас в ответ. Муравей не может управлять великаном.*

*Вы поставили своего сына в положение смертельной опасности.*

*Как один заботливый отец другого, умоляю Вас: отмените данный план. Верните сына домой. Отрекийтесь от дальнейшего сотрудничества с архивариусом. Я также попрошу Ани́ту вернуть всех пленных обратно к Вам, и Вы сможете сделать с ними все, что заблагорассудится, но прошу, больше не впутывайте мою семью в свои безрассудные начинания.*

*Архивариус может быть людезен с Вами в беседах. Гадюка может научиться говорить, однако она по-прежнему будет ядовитой.*

*Да благословят Вас боги, старый друг.*

**Ответ Каллума Брайтвелла Красному  
Ибрагиму, переданный через доверенного  
посыльного**

*Мой сын Брендан вполне способен постоять за себя, но я благодарю Вас за Вашу заботу. Если случится худшее, у меня по-прежнему останется его близнец, Джесс. В настоящий момент он недоволен тем, что я отправил его брата вместо него, но, надеюсь, это пройдет.*

*Если Вы намереваетесь читать мне нотации, то, может, Вам самому следовало бы лучше заботиться о своих собственных сыновьях – их обоих Вы потеряли, когда они трудились во благо Вашего личного бизнеса. Не учитте меня защищать моего сына. А что касается Вашей дочери, она согласилась на все предложенные условия от Вашего имени и с Вашего полного согласия; обращайтесь со всеми претензиями к ней, а не ко мне.*

*Я ожидаю, что Вы сдержите обещание, которое она дала. В этом деле мы с Анитой придерживаемся единого мнения, и поскольку она является наследницей Вашей огромной торговой империи, Вам следует к ней прислушаться. Она умна и во многих отношениях так же безжалостна, как и Вы.*

*Да и Вам ведь не хочется заводить врагов в собственной семье.*

*Полагаю, отдохнув и спокойно все обдумав, Вы наконец увидите мудрость в решении заполучить благосклонность Библиотеки во времена назревающего вокруг хаоса. Мир сейчас более небезопасен, чем когда-либо на памяти живущих. Если мы станем союзниками с архивариусом, то Библиотека будет менее бдительна, когда мы соберемся обратить сложившиеся обстоятельства в нашу пользу, а ведь мы можем так поступить в любой момент.*

*Мира Вам, друг мой. Посмотрим, к чему все это приведет.*

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Джесс



## ГЛАВА ПЕРВАЯ



Все началось как упражнение, чтобы побороть бесконечную скуку от заточения под замком в камере Александрийской тюрьмы.

Когда Джесс Брайтвелл проснулся, то понял, что потерял счет времени. Дни здесь сливались воедино, и Джесс знал, что важно помнить, как долго он находится в этой ловушке в ожидании, упадет топор на его голову — или нет. Так что он старательно делал заметки на стене, используя пуговицу от своей рубахи.

Пять дней. Прошло пять дней с тех пор, как он прибыл в Александрию, приведя с собой профессора Вульфа и Морган Холт в качестве своих пленников. Их увели в разных направлениях, а самого Джесса бросили здесь, чтобы — как ему сказали — дожждаться, когда он будет удостоен чести встретиться с архивариусом.

Архивариус, похоже, был очень занятым человеком.

Как только Джесс посчитал дни, он мысленно начал вычислять дату. Просто от скуки. Потребовалось несколько долгих тревожных мгновений, чтобы понять, почему эта дата — сегодняшняя дата — казалась ему важной.

А потом он вспомнил. И ему стало стыдно за то, что это заняло так много времени.

Сегодня была годовщина смерти его брата Лиамы. Старшего брата.

А это значит, что сегодня Джесс стал старше того возраста, до которого посчастливилось дожить Лиаме.

Джесс не мог вспомнить точно, *как* Лиам погиб. Он вообще почти не помнил брата, в памяти всплывали разве что размытые очертания острого носа и лохматых блондинистых волос. Должно быть, Джесс наблюдал, как Лиам поднимался по лестнице на эшафот и стоял, пока вокруг его шеи затягивали смертельную петлю.

Однако Джесс не мог вспомнить, чтобы видел, как брата повесили. Лишь болтающееся тело Лиам. Это было похоже на картину, увиденную издалека, а не на воспоминание.

«Хотелось бы мне помнить», — подумал Джесс. Если бы Лиам держал голову высоко поднятой в момент смерти, если бы уверенно поднимался по ступеням и стоял без страха, возможно, тогда Джесс тоже смог бы это сделать. Потому что именно это, похоже, теперь ждет его в будущем.

Он закрыл глаза и попытался представить все: как открывается дверь камеры. Как солдаты в военной униформе армии Великой библиотеки ждут с каменными лицами в коридоре. Профессор читает ему текст, выбранный на свое усмотрение, по пути на экзекуцию. Может, даже прибудет священник, если Джесс попросит.

Однако потом в его разуме будто бы образовывалась пустота. Он не представлял, как архивариус отнимет его жизнь. Будет ли смерть тихой? За закрытыми дверями? Он будет застрелен в спину? Похоронен в безымянной могиле? Может, никто и никогда не узнает, что с ним произошло.

А может, Джесс все-таки окажется перед петлей, и ему придется подниматься на свою казнь по ступеням. Если бы он мог представить себя шагающим на свою смерть без дрожи в ногах, то, возможно, действительно смог бы *сделать* это.

Джесс понимал, что ему стоит сконцентрироваться на мыслях о том, что будет говорить архивариусу в случае, если его все же вызовут, однако в этот самый момент смерть казалась такой близкой, что он почти мог к ней прикоснуться, да и, кроме того, куда проще было признать поражение, чем осмеливаться предвидеть успех. Джесс никогда не был особо суеверным, однако воображать победу сейчас было равносильным тому, чтобы нарисовать мишень на своей спине. Нет причин оскорблять египетских богов. По крайней мере, так рано.

Джесс поднялся на ноги и прошелся по камере. Холодная, пустая, с решетками и плоской каменной полкой, которая притворялась кроватью. Туалет без прикрас, который не помешало бы почистить и едкий запах которого уже начинал въедаться в кожу.

«Если бы у меня было что почитать...» Эта мысль появилась без предупреждения, и Джесс ощутил ее словно личную трагедию. Остаться без книги для него было самым худшим из всех наказаний. Он старался не думать о своей смерти, а думать о судьбе Морган, или профессора Вульфа, или кого-то еще было слишком страшно... Однако Джесс почти слышал сухой, язвительный голос профессора Вульфа, говорящий ему: «Если бы только у тебя были мозги под стать этому делу, Брайтелл, ты бы не остался без книги».

Джесс улегся на каменную койку, закрыл глаза и попытался ясно представить первую страницу одной из своих самых любимых книг. Ничего не пришло в голову. Лишь слова, разрозненные и перемешанные, которые отказывались образовывать хоть какой-то порядок. Уж лучше бы тогда он представил, как пишет письмо.

«Дорогая Морган, — подумал он. — Я заперт в темнице в серапеуме, и единственное, о чем я могу думать, это о том, что мне следовало поступить лучше по отношению к тебе и ко всем нам. Я боюсь, что все было напрасно. И мне очень жаль. Жаль, что я был настолько глуп, будто думал, что смогу обхитрить архивариуса. Я люблю тебя. Пожалуйста, не ненавижь меня».

Это было эгоистично. Морган и правда следует его ненавидеть. Джесс отправил ее обратно в Железную башню, в пожизненное рабство с неразрушимым ошейником, туго застегнутым на ее шее. Обманом заманил профессора Вульфа в тюрьму гораздо худшую, чем эта, тем самым приведя к неизбежному смертному приговору. Он предал всех, кто когда-либо доверял ему, и ради чего?

Ради своей сообразительности и, вероятно, ради глупой идеи о том, что он может каким-то — *каким-то* — образом совершить чудо. Что дало ему право вообще думать о подобном?